I 14/158

Год издания 2-й.

Иллюстрированный общественно-политический и литературно-научный
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

„Истинная жизнь всегда—Анархия! Истинная молодость всегда—жизнь!".

№ 30—31. 4 Мая 1919 г.

ЦЕНА: в Москве 2 р. 50 к., вне Москвы 2 р. 75 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и ЭКСПЕДИЦИЯ: Москва, Тверская ул., д. № 68.
Главная Контора открыта ежедневно кроме четверга с 11 до 1 час. дня.
Экспедиция открыта ежедневно с 11—3 час. дня и по понедельникам и средам с 4—6 час. вечера.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Триумфальная площадь, дом № 1/2, кв. № 27.
(Вход с Садово-Триумфальной ул.).
Открыта по вторникам и пятницам с 6—8 час. вечера.

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

1-я Всероссийская Конференция Анархистской Молодежи.

1-й Всероссийский с'езд перенесен безотлагательно на 29-е июня. Регламент с'езда и программа.

Еще в начале апреля с различных мест России в Секретариате Всероссийской Федер. Анархич. Молодежи группами молодежи стали посылаться письма и телеграммы об перенесении 1-го Всероссийского с'езда Анархистской Молодежи с 27 апреля на более поздний срок, мотивируя эти просьбы так, что многие группы находятся в периоде организационной работы. Учитывая это, Секретариат Всефам'а пошел навстречу этим желаниям и решил с'езд перенести, о чем письменно были извещены группы, при чем было принято во внимание, что многие группы могли почему-либо и не получить этих извещений и послать делегатов на с'езд, поэтому было решено устроить Конференцию, которая и открылась 27 апреля в $5^1/_2$ час. вечера.

На Конференции присутствовали: 1 делегат от Инициатив. группы по организации Украинской Федерации анарх. молодежи, 1 делегат от Елисаветградской группы молодежи, 1 делегат от Смоленской группы, 1 делегат из Уржума, 1 делегат от Лефортовской районной группы молодежи, 6 человек от Секретариата Всерос. Федер. Анархистской молодежи и 2 от Московской группы Всефам'а.

По прочтении протокола совещания делегатов украинской молодежи с Всефа'мом от 26 апреля, Конференция переходит к докладам с мест и докладу Секретариата Всефам'а.

В дальнейшем Конференция переходит к вопросу о созыве 1-го Всероссийского с'езда Анархистской молодежи и постановляет созвать его безотлагательно на 29-е июня с.г. по нов. стилю в г. Москве. Принимается регламент с'езда следующий:

1) На с'езд приглашаются с правом решающего голоса представителя от групп, зарегистрированных и вошедших во Всероссийскую Федерацию Анархистской молодежи и

2) с правом совещательного голоса могут присутствовать все члены Всерос. Федерации, а также и не члены; последние могут получить право совещательного голоса по рекомендации двух членов Всероссийской Федерации.

3) Модус представительства: а) все группы, насчитывающие до 10 членов, посылают не более 2-х делегатов, б) группы, кои насчитывают более 10 членов, посылают не больше 3-х делегатов, в) Секретариат В. Ф. А. М., а также все областные Секретариаты посылают по 2 делегата с правом решающего голоса и остальных членов Секретариатов с правом совещательного голоса.

Затем принимается программа с'езда (которая может быть с'ездом изменена):

1) Доклады Секретариатов.

2) Доклады с мест.

3) Текущий момент и задачи анархистской молодежи.

4) Тактика.

5) Вопросы: а) рабочий, б) крестьянский, в) школьный, г) красная армия и повстанцы.

6) Организация 1-го Интернационала Анархистской Молодежи.

7) Анархистская молодежь и искусство.

8) Культурно-просветительная деятельность

9) Организационный вопрос и

10) разное: средства, пропаганда и агитация, печатный орган и др.

Всем товарищам предлагается приготовить доклады не только по этим 10 пунктам, но и по другим возникшим вопросам.

Предполагается, что с'езд продлится не более одной недели.

Расходы по созыву с'езда возлагаются на группы, посылающие делегатов.

Секретариат В. Ф. А. М. принимает меры к обеспечению делегатов с'езда общежитием в виду же обострения продовольственного вопроса в Москве, Секретариат убедительно просит товарищей привозить с собой продукты первой необходимости.

На этом 1-я Всерос. Конференция Анархистской молодежи закрывается.

Создайте движение!

> „Теория и практика должны составлять одно целое, чтоб победа была на нашей стороне".
>
> *П. Кропоткин.*

Серьезные задачи стоят пред молодежью, стремящейся к тому, чтобы как можно скорее воплотить в жизнь те идеалы, которые она носит в себе и эти задачи необходимо теперь же разрешить.

Есть три пути к установлению анархистического строя: пропаганда, агитация и совместное действие последних.

Основываясь на практике революционного движения за границей, а равно и у нас, мы должны вынести заключение, что **революция—источник пропаганды, но не пропаганда—источник революций.** Если мы вспомним, что наибольший выпуск, а следовательно и спрос политической литературы был именно в годы революций (1905, 1906, 1917, 1918, 1919 гг.), то это лишний раз подтвердит ту второстепенную роль, какую играла и играет пропаганда идей общежития.

Пропаганда, углубляя миросозерцание пропагандируемого, лишь теоретически подготовляет последнего к новому строю, мы же должны быть не только теоретиками, но и работниками по установлению новых форм жизни, ибо единственное оправдание всех теорий—их немедленное воплощение в жизнь. Необходимо также иметь ввиду, что внутренне-групповая пропагандистская работа среди молодежи никогда не в силах организовать массового движения, ибо эта работа сковывает энергию молодежи неудержимо рвущейся к тому, чтобы применить свои силы и знания на практике, а также наносит колоссальный ущерб анархической революции.

Не то представляет агитация. Неся с собой призыв к немедленному движению, она все и всех поднимает на ноги и заставляет усиленно работать над установлением нового строя, а следовательно и над собой.

Теория не вышедшая из кабинета на улицу—ничто; даже вышедшая на улицу, она легко может погибнуть и опыты революций нам показали, что „не теория родит движение, а в движении родятся и гибнут теории". Исходя из этого, мы должны сказать: **пропаганда—всегда покой и прозябание, агитация—всегда движение и достижение.**

Я не мыслю себе того, чтобы первый же революционный шаг привел бы нас к Анархии, хотя бы этот шаг и был сделан при безусловной пропитанности широких масс анархизмом. Необходимо несколько анархических революций, несколько практических шагов, чтобы разрешить осуществление Анархии. И эти первые практические шаги нами сделаны за последние два года революции. **Анархизм более, чем какая другая идея взят из жизни и лишь жизнью он должен быть разрешен.**

Анархизм—дитя улицы и нам нечего ухаживать за ним и беречь его дома. Мы никому не должны отдавать пеленать его и прятать в книгах!

Взятый с улицы—да пребывает на ней!

Анархизм времен Бакунина был всегда на улице. Долгое прозябание его в кабинетах лишь отняло от него некоторую жизненность, вот почему анархическое учение мало имеет за собой практического опыта и правы те, которые упрекают нас „в теориях вы хороши, а вот на практике то"...

И первые практические шаги анархистов в России не учат-ли нас тому, что мы не практичны. Наши шаги были таковы, какие бывают у детей, только что начинающих уметь ходить И здесь, опять, от любителей пеленок, вы услышите, что нужно повременить с практикой—нужно развить пропаганду и уж потом, через несколько лет...(!?)

Мы говорим другое. Мы знаем, что анархизм мало имеет за собой практики, мы знаем, что первые его шаги в России были шагами неопытными, детскими. Но это лишь еще больше убеждает нас в том, что **мы должны учиться двигаться.**

Быть может мы еще не раз спотыкнемся и получим ушибы, но мы окрепнем в этом движении, мы изучим нашу дорогу, изучим до мелких подробностей, дабы не спотыкнуться потом о те камни, которые первоначально нам мешали.

Признавая определенную заслугу за пропагандой, мы безусловно постараемся развить

ее до максимальных пределов, пусть пропаганда довершает то, что не всегда обслужит само движение и агитация, пусть ведется внутренне—групповая работа, работа в стенах—это лишь еще более усилит наше движение, ибо, чтоб победа была на нашей стороне—необходимо, чтоб теория и практика составляли одно целое.

Лишь в движении, в пути, мы встречаем спутников, но не дома, сидя на одном месте. В пути, нередко можно встретить таких товарищей, которые уже знают часть этой дороги и было бы неразумно нам, пускающимся первый раз по неизведанной дороге, не спросить знающих и опытных об этой дороге.

У нас есть старшие товарищи, от которых мы, как их преемники и продолжатели анархического дела, должны взять все нам нужное и полезное.

Оставаясь самостоятельной, Всероссийская Федерация Анархистской Молодежи, должна быть в тесном контакте со всеми организациями „старших" товарищей-анархистов и входить в эти организации на федеративных принципах. Необходимо от каждой группы и от каждой Федерации посылать своих секретарей в Секретариаты старших, дабы секретари могли не только использовать опыты последних, но и притти на помощь „им", а вернее общему делу, за которое мы боремся. Конечно, не может быть речи о помощи там, где интересы движения не совпадают, в данном случае,—молодежь туда входит лишь для „эксплоатации" опыта „старших" и для информации.

И украинская и московская молодежь избрали верный путь, войдя в контакт с конфедерацией старших товарищей из „Набата", Всероссийской Федерацией Анархистов Коммун. и Союза Анархистов г. Москвы. И наши стремления к совместной работе со старшими вполне разделяются последними и не только разделяются, но даже они рады тому, что часть нашей молодежи работает с ними.

Вся история развития идеи человечества есть борьба двух поколений—старого и молодого. Старому поколению, уже приспособившемуся к давно существующим формам, почти не интересно менять эти формы, ибо их организм настолько слабеет с течением лет, что оно боится „шевелить" себя и остается на точке замерзания, время от времени бальзамируя как себя, так и те формы, которые воспевались в молодости. Порой оно даже боится нового, молодого, а подчас и пытается вступить с ним в борьбу, но лишь слепые могут не видеть того, что эта борьба бесполезна и реакционна. Останавливаясь на вопросе взаимоотношений старого и молодого поколения, я лишь хотел сказать, что наши пути могут разойтись, а если это так—то мы должны вплотную подойти к старшим товарищам и в совместной с ними работе выявить как самих себя, так и познакомившись с их работой выявить свое отношение к ним и их работе.

Мы должны создать свое движение—новое, молодое, гибкое, могучее и красивое!

И теперь, когда идет борьба за воплощение в жизнь идеалов Анархии, когда решаются целые десятилетия нашей будущей жизни, когда идет борьба нового мира со старым, молодого поколения XX века с отживающим поколением XIX века,—в эти дни,— мы не можем не признать той огромной роли, какую мы выполняем и будем выполнять, строя общественную жизнь.

И наша задача—создать эту новую жизнь, создать движение и избрать такой путь, который бы более верно и более быстро привел нас в страну Анархии.

И нет сомнения в том, что этот путь мы скоро обретем!

Найдите путь!

Создайте движение!

Н. Марков.

Молодежь и Жизнь.

Совместное совещание Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи с Инициативной группой по организации Украинской Федерации Анархистской молодежи состоявшееся 26 апреля с. г. в Москве.

Совещанием обсуждались следующие вопросы:

1) Доклад тов. Януса-Балтина об анархистском движении среди молодежи на Украине.

2) Доклад тов. Злого об едином анархизме.

3) Об'единение деятельности и вхождение Инициативной группы Укр. Фед. Ан. Мол. во Всефам.

После докладов об анархистском движении среди молодежи на Украине и об едином анархизме, совещание перешло к вопросу об об'единении деятельности и приняло следующую резолюцию:

„Констатируя, что делегаты от Инициат. группы по организации Ук. Фед. Ан. Молодежи принципиально согласны на концентрацию всей анархитской работы среди молодежи под знаменем единой (на началах автономности) Федерации, совещание секретариата Московской группы, секритариата Всефам'а с делегатами от Инициат. группы по организ. Укр. Фед. Ан. Молодежи переходит к выработке платформы об'единения", после чего после долгих прений по третьему вопросу была вынесена следующая резолюция:

„Секретариат Ук. Фед. Ан. Молодежи входит в состав Всефам'а, принимая в основу декларацию Всефам'а, оставляя за собой право выбора самостоятельной тактической линии поведения до первого с'езда Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи".

—

Ученические огороды коммуны.

При школах г. Тулы, где это предоставляется возможным, создаются огороды, но так как не у всех школ имеются свободные участки земли, то предполагается устроить районные огороды: в Городском районе, Зареченском и Чулковском.

Эти огороды, основанные на коммунальных принципах, будут общие для нескольких школ.

В Заречье подобный огород предполагается устроить на участке, раньше занятом лесным складом Зифрена.

В прочих районах места для огородов еще не определены. (Коммунар).

—

По старому, по-царски.

Многолетие Ленину и Троцкому.

(Осташков).

12-го марта, в день праздника Революции, в Шилковском приходе, Синцовской волости, отец Ильинский по окончании литургии, на молебне, во удивление всех „предстоящих и молящихся", громко произнес: „За процветание Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и вождей ее тт. Ленина и Троцкого... Многая лета! За могущество защитницы мировой революции нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии... то же!"

—

„Сказ о войне за чистоту".

(Тула).

В Тульском „Коммунаре" читаем такие об'явления:

1) **От санитарного диктатора.** Вследствие наступивших больших морозов и т. д.... Санитарный диктатор, тов. председ. Губисполкома П. Арсентьев

2) **От штаба чистоты.** Во исполнение обязательного постановления санитарного диктатора и т. д.... Председатель Штаба чистоты зам. зав. отд. Гор. Хоз. Мих. Трушечкин.

Еще лесковский „Сказ о тульском левше и стальной блохе" отметил эту склонность туляков к работе тонкой-тонкой, чистой-чистой.

(*Веч. Изв.*)

Гонение на анархистскую печать.

„Голос Трудящихся".

КЛИНЦЫ, Черниговск. губ. 15—IV. Закрыта приготовленная к печати газета местного союза анархистов „Голос Трудящихся"—№ 1 (апрель).

—

„Бунтарь".

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК, 16—IV. Здесь закрыта газета местной группы „Бунтарь".

—

„Вольная Жизнь".

МОСКВА, 15—IV. Запрещен выходом журнал Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов „Вольная Жизнь".

—

„Подпольный Коммунар".

ПОВОЛЖЬЕ. Здесь анархисты перешли на нелегальную работу. Вышел в свет № 1 газеты анархистов Поволжья „Подпольный Коммунар", резко критикующий действия местных властей.

—

Клинцовская молодежь.

В закрытом большевиками „Голосе Трудящихся" между прочим мы читаем следующее:

„Организовавшийся союз молодежи, благодаря опеки и няньки „Коммунистов" не мог развить свое свободомышление и творить революционное творчество.

Союз пробывал стать самостоятельной революционной организацией, находясь вне всякой партии, но за свою, логически свободную инициативу был об'явлен на военном положении.

Ясно, что при таких обстоятельствах союз не мог самостоятельно работать и распался, т.-е. активные члены ушли, а остались лишь те, которые имеют слабый рабский дух и нуждаются в любой няньке и любом пастухе.

Деятельности в союзе молодежи как в духовном развитии, так и в революционном творчестве нет никакой. Нянька союза не разрешает без ее позволения делать что-либо самостоятельно, и по вышеизложенным причинам, союз занимается только устройством танцев, и танцев и танцев, на которых собираются с мещан гроши, для устройства тех же танцев.

Словом, союз танцует на старой, мещанской обывательской дудке и дальше этого, к сожалению, не идет. Печальная действительность Клинцовской молодежи.

Скоро ли она проснется,—покажет будущее.

Будем верить, что Клинцовская молодежь, над которой смеется деревенская, бросит все свои старые рабские мещанские наклонности и возьмется за самообразование, которое принесет огромную пользу, как ей, так и всему человечеству в его освобождении от духовного, экономического и политического рабства.

Долой сонное мещанство и обывательщину! Не время спать в дни великой освободительной революции!

Прочь партийные дрязги; к черту всех узурпаторов, кто бы они не были!

Все за социальную революцию, за хлеб и волю".

—

Если взялись клеветать, то сделайте это так, чтобы было похоже на клевету!

В № 2 „Грядущей Культуры" Тамбовского Пролеткульта за декабрь прошлого года некий К. желая чем-нибудь насолить журналу „Жизнь и Творчество Русской Молодежи" написал пустословную „критику" на № 11 журнала, при чем „критик" был настолько „справедлив", что разбирал журнал не ознакомившись с его внутренним содержанием, а взял лишь его внешность: обложку, бумагу, шрифт и сопоставил эту внешность с журналом „Свободный Час" и сделал вывод, что так как „оба журнала печатаются одним и тем же шрифтом, на одной и той же бумаге и родственны (?!) друг другу не только по внешности, но и по содержанию" (повидимому автор заметки настолько грамотен и умен, что считает, что „Встреча с монахиней" из „Своб. Часа" имеет что либо родственное со статьями журнала молодежи об анархизме, о с'езде рабочей молодежи, об искусстве, театре и рассказом „Апофеоз"), то, следовательно, они имеют „несомненную связь", а так как „Свободный Час" окрещен буржуазным журналом, то и журнал молодежи назван буржуазным. Повидимому „Грядущая Культура" тоже буржуазный журнал, так как он печатается тем же шрифтом, что и „Свободный Час!"

Лайла.

О пугалах человечества.

„Границы?! Законы?! Мораль?! Монархи?! Священники?! Бог?! К чему этот старческий бред? Кому его жаль?..“

Анатолий Глебов.

Начнем со сказки.

Жила на свете одна маленькая девочка, у которой была старая, престарая нянька; эта нянька сильно тяготилась резвостью ребенка, она не в силах была успевать за ним, а девочка была слишком живая, ни минуты на месте спокойно не посидит; чуть задремлет нянька, а уж она куда-нибудь и ускользнет; проснется старая, ищет, ищет, чуть не плачет, приходится бежать далеко от дома, в поле, к реке, а шалунья либо у речки вьюном вертится, того и гляди в воду нырнет, либо к лесу забежит.

Думала, думала нянька, как бы угомонить ей свою воспитанницу и решила она привить ей чувство страха ко всему, что не надо делать.

—Смотри ты у меня, проказница,—говорит она ей,—если будешь к лесу бегать, то не быть тебе живой; счастье твое, что ты вглубь то не заходила, а то там медведи и волки страшные живут, разорвут они тебя и с'едят; вот только попробуй, забеги-ка в лес...

— Нянечка, а страшные волки, а какие они?—скорей с любопытством, чем с испугом спрашивает девочка.

— А вот какие на картинках-то пишут, небось видала в книжках-то, злые, презлые, зубастые, так и загрызут... Девочка вспоминает картинку и ей становится страшно.

— А еще не смей к речке бегать,—продолжает нянька.—Вот схватит тебя русалка за ногу и утащит к себе в воду, тогда узнаешь, как няньку не слушаться.

— Нянечка, а что такое русалки?

— А вот узнаешь тогда, как защекочут до смерти, волосищи-то у них длинные, предлинные, да зеленые, презеленые, что тина болотная, а глазищи-то, как уголья, так и пялют; тьфу ты, мерзость, прости Господи, ну да я про нечисть такую и говорить-то больше не хочу!.. Так ты смотри, не бегай к реке-то!..

Страшно ребенку! Сколько ужасов на свете, девочка и не подозревала. И стала с тех пор она, действительно, менее резвой... потянет к реке, где рыбки плещутся, хочется посмотреть на них, страшно хочется, а нельзя—вдруг да русалка!.. А лес! Заманчивый, обольщающий лес, как много в нем интересного, и цветы, и грибы, и ягоды и много еще такого, неизведанного. Но как пойти туда, когда там страшные звери? Погибла жизнерадостность ребенка, скучает он, томится, нервничает, но делать нечего, страх побеждает... В лучшем ли положении, чем эта девочка, находимся мы, взрослые рабы всяких страхов, привитых нам с детства нашими заботливыми воспитателями? Сколько разных ужасов рисуется нашему воображению, пострашнее всяких волков и медведей, в том случае, если мы преступим за грань общепринятого и законного!

То—грозный мститель Бог во всеоружии своего гнева, то—статья закона, то—пресловутое общественное мненье, то—веления долга и т. п. и т. п. Все эти навеянные представления, все эти виденья, словно кошмар, преследуют нас по пятам. Созданные самими же людьми, их выдумки вдруг стали деспотами, угрожающими и мстящими.

Быть-может, кому-то, когда-то нужны были все эти фетиши, чтоб запугивать ими воображение человека-раба, человека с несамостоятельной мыслью, но по мере освобождения человеческой личности, все эти атрибуты рабства должны быть сброшены! Только разум человека, свободный и ясный светоч должен стать верховным регулятором наших действий и поступков, его воля, воля души—мерилом нравственности.

Человеку все дано *для* счастья, а он сам отгораживается от него, ставит себе преграды, мучится, страдает и в то же время почему то считает себя правым.

Мы много виноваты пред своею личностью, ибо мы систематически, путем ложного воспитания, ложного понимания вещей сковывали ее волю, убивали интенсивность ее жизни. Мы заковываем себя в узкие рамки обыденности и стыдимся своего *я*. Нет яркости, нет смелости у придавленной убогой личности современного человека!

Наши нянюшки и мамушки довольно позаботились о тэм, чтобы мы не были *самими собою*, но как все, и жизнь наша протекает по руслу дозволенного и законного в ревностном служении фетишам рабства.

Мы запуганные с детства: все наше воспитание состояло в затвержении того, что дозволено и не дозволено. Нам с детства внушали, что мы—верные сыны отечества, православные христиане, правила поведения нашего должны быть такими то и такими то. Если же человек поступает согласно своему внутреннему влечению, а не по общепринятому рецепту, то к нему приглядываются, рассматривают со всех сторон, как невиданную птицу и в лучшем случае ограничатся укоризненным покачиванием головой.

Не чувствуем ли мы в себе неодолимую потребность выявить свое *я*, устроить свою жизнь так, как того требует наша личность?

От привычки, почти слепой, подчиняться старым предрассудкам, внушенным нам Религией, Законом и ложной моралью, от слепой привычки *бояться* своего *я* и не давать ему воли, мы обкрадываем себя, жизнь свою, лишаем себя той полноты жизнеощущений, которая так дорога для личности, с'уживаем мир свой, и все из-за жалкой трусости пред вымыслом, пред теми пугалами, которых сами же себе понастроили. Они нужны быть может были нашим предкам, ну и пусть они с ними же и отойдут от нас. Нам же нужна смелость строить жизнь свободно, опираясь исключительно на внутренний критерий наших поступков: „Не делай другим того, чего не хочешь для себя“, другими словами, на *взаимную солидарность*, ибо этот принцип свободен от надуманности, он присущ всему животному миру и является неот'емлимым свойством нашей природы. Остальное все—ложь, ненужная и нелепая, которая лишь мешает жить.

Е. Горлова.

Анархия.

Анархия! Анархия! Анархия!

Этот звук, как красное пламя пожаров, как призывные звуки трубы, как взрывы бомб, как факел, поджигающий храм, как просьба о мести осужденного на смерть.

Начинается заря, подымается буря, и я славлю Анархию, и пусть сильнее грянет буря.

Я славлю Анархию, потому что это прекраснейшая мечта, и потому, что это единственный исход в реальной жизни.

Я славлю Анархию ,потому что это есть конечное устремление человечества и потому, что Анархией была борьба, основа всего живого.

Я славлю Анархию, потому что в борьбе жизнь, солнце и счастье, и потому, что не боюсь смерти.

Я славлю Анархию, потому что в борьбе за нее—красота, а поборники ее—герои.

Я славлю Анархию, потому что я—единственный.

Безначалие—начало всех начал, и всякое устремление, доведенное до конца, приводит к Анархии.

Миллионы лет тому назад, под жарким сиянием тропического солнца, люди жили счастливо и просто, и весь мир был для них прекрасным и таинственным, как будто он только что родился Необходимость являлась к ним в виде дикого зверя, с которым сходились в веселом бою под радостной улыбкой юного солнца, а не в виде дождя, просачивающегося сквозь стену лачужки или мрачных камер долговой тюрьмы.

Старые, безобразные, несчастные, трусливые, уносились бурным потоком борьбы за существование, а для тех, которые остались жизнь была мудро устроенной и прекрасной. Их тела были сильны и красивы и созданы для наслаждения; ум их не знал ни долга, ни закона, ни честолюбия, ни жажды власти—ничего искуственного, что делает нас несчастными. Побуждения их были просто: любовь, борьба, красота, и удолетворяя их, они были счастливы, не зная ни власти, ни порядка, ни морали.

Золотой век человечества был Анархией.

Но остыло солнце, и охладели бурные страсти, появился впервые страх перед призраками, и под унылые звуки падающего дождя и северного ветра люди сочинили мораль и законы. Первобытные знали лишь реальный страх; цивилизация принесла страх перед властью. Когда люди стали чувствовать страх не только перед оружием врага, но и перед символом силы, тогда только необходимость превратилась в неизбежность, насилие—в законность.

Тысячелетия царствования принципа власти—ночь человечества.

Ночью все стало темным. Любовь превратилась в похоть, борьба—в корчи властолюбцев, погоня за наслаждением—в жажду наживы, и разум. служивший орудием. Я стал орудием порабощения, придумав уважение к закону.

В течение ночи появляются порывы, захватывающие одну лишь сторону человеческого существа: это—теории, как христианство, демократия, социализм, к которым можно придти лишь от одной основы и одним лишь путем.

Они захватывают массы, мечущиеся во мраке, как стаи летучих мышей, но не убеждают индивидов; и не им зажечь огонь, который рассеет ночь.

И лишь от времени до времени прорезывают мрак пламя храмов и тюрем, сжигаемых восставшим народом, и взрывы бомб анархистов.

Слава тем, которые бунтуют против политического строя, или против экономического неравенства, или против старых форм мышления; слава им, пока они бунтуют, ибо бунт прекрасен.

Но на место старого Бога они хотят по

ставить нового, и вместо ночи—сумерки; а разве можно за это отдать жизнь.

Слава тем, которые не боятся тюрем и казней и бунтуют, порывая с обыденностью, чтоб хоть на миг стать парями ночи и ночью взять от жизни то, что она может дать; слава им, ибо и в них горит искра смелости и красоты, из которой может разгораться костер; слава, ибо и они слышат призыв солнца, хотя и не так понимают его; но нужно быть анархистом, чтоб пойти на верную смерть, ибо анархисту не надо сумерек, и он предпочитает умереть ночью, при свете своего маленького солнца из динамита, чем жить во мраке.

Кто хочет сумерек, может ждать из наступления; но кто хочет мрак превратить в день, еще при жизни увидеть солнце, тот должен делать все сразу, быть максималистом.

Веками люди сумерек старались реформировать собственность—Анархия ее уничтожить.

Сотни философов мыслили в плоскости права, критикуя любые формы его, но не выходя из заколдованного круга. Анархисты нашли конец круга.

Тысячелетия проходят, попы и гуманисты все ищут вечной нравственности и высшего из богов. Слава Свободному, который сказал: „Для Меня нет ничего выше Меня".

Тысячи поколений творили законы и запечатлели в них века мрака, предрассудков и порабощения; и столько же людей пытались реформировать зло и в законах-же запечатлевали тысячи заблуждений. Слава Смелому, навсегда порвавшему с этим.

Десятки партийных вождей играют в чехарду власти, то пресмыкаясь перед толпой, то заставляя ее пресмыкаться,—слава Мудрому, который не видит в этом счастья, который не рожден ни чтоб повелевать, ни чтоб повиноваться.

Со временем создания цивилизации, люди боролись в единичном во славу толпы, с игоистом во славу целого, с „бурей" во имя „порядка",- слава рожденному для бури, который рвет ради своего счастия цепи, наложенные всеми, потому что он не может жить без борьбы.

Искра анархизма все чаще падает в костер недовольства; приближается заря, уже не только „единственный" видит солнце.

Сильный жаждет Анархии, чтоб найти простор своим силам; слабый—чтоб избавиться от тиранов.

Счастливому нужна Анархия, чтоб свободно наслаждаться, а голодному—чтоб насытиться.

Враг народа не хочет быть под властью толпы, и его не прельщает над толпой властвовать; демократ не хочет. чтоб над толпой властвовали, и если он честен, не хочет и сам править, но оба хотят Анархии.

Нигилист идет к Анархии, чтоб уничтожить богов, а религиозный—чтоб никакая власть не стояла между ним и его богом.

Коммунист видит в Анархии единственный путь к коммуне, а индивидуалист—спасение от социализма.

Ученому нужна Анархия для свободного развития науки, а эпикурейцу—для простого наслаждения жизнью.

Мистика приводит к Анархизму чувство красоты, а материалиста—холодный разум.

Анархист—рабочий деятель, пренебрегающий труд предыдущих поколений, направленных по ложному пути, разочарованный в парламенте и законе и берущийся за бомбу, и анархист, не интересующийся политикой—поэт, рвущий со всем, что сделали предшественники.

И даже враги Анархии, мелкие честолюбцы, корыстолюбцы и умственные трусы в борьбе не могут удержаться в пределах закона.

Прежде анархистом был лишь сверхчеловек; теперь всякого мыслящего прямо, от какой основы и какими путями он бы ни шел, к Анархии приводит логика. Прежде Анархия имела один смысл: „борьба—радость жизни", теперь Анархия—сама жизнь. Каждый видит в ней другой смысл, но стремиться к ней должен каждый, кто хочет жить.

Когда-то были люди; потомками их оказались сверхчеловек и рабы. Мы, дети переходного времени, утеряли ясный смысл жизни; еетественный подбор стал превратным, а в борьбе за существование самыми приспособленными оказались слабые. Приближающиеся к скотам, духовно-дряхлые рабы мечутся, не зная смысла своих побуждений, мучимые атавистическими людскими желаниями, которые они не могут удовлетворить своими рабскими силами; оттого столько несчастных. Изумленные тем, что есть еще сильные, они преследуют их законами и моралью, стараясь, чтоб все поскорее стали вполне рабами.

А сильные еще не доросли до сверхчеловека, чьи желания прекрасны, но так же просты, как желания первых людей. Счастье доступно первым людям, чья жизнь проста, как жизнь ребенка, и сверхчеловеку, чья жизнь проста, как жизнь мудреца, изжившего заблуждения переходного времени, ибо человек—это его желания. Мы же, сильные, плод не доведенной до конца эволюции не изжили еще противоречий внутри нас, не достигли внутренней простоты, и наша жизнь напоминает игру человека с богами, в которой боги всегда выигрывают, потому что они создают правила.

И единственное счастье, которое нам доступно, это счастье борьбы за то, чтоб снова сияло солнце, чтоб снова на земле было неизвестное и прекрасное, чтоб не было ни богов, отравляющих нас беспокойным игом неисполнимых желаний, ни рабов, чьи желания для сильного—смерть, потому что они меньше его сил.

Анархия должна победить. Через границы и окопы несется наш клич „Долой!" и падают стены темницы, закрывшие солнце, и собираются сильные под черные знамена разрушений. Они сотрут с лица земли рабов, ставших на пути, и зажгут костры, и рассеют мрак, и пламя мирового пожара закоптит небеса, где не станет места богам.

Слава поднявшему бурю: он победил Судьбу.

Анархия!

Евг. Грин.

ПРОТИВ БОГА.

(Атеистические псалмы).

Псалом третий.

Мой путь—путь многих, путь миллионов,
Мой путь такой-же, как у толпы:
Под были звонов, кандальных звонов
И шел я так-же, как шли рабы.
Изведал ночи, изведал бури,
Изведал улиц ночной уют,
И понял я, что не из лазури
Придет на землю Тот, кого ждут;
Что Он родился не в мирных яслях,
Что Он не смеет людей судить,
Что о Нем сказки в сердцах погасли,
Что о Нем славы не воскресить.
И не с заветом духовной пищи,
Не в ризах белых мой бог придет,
А в массе нищих, рабов и нищих,
Таким-же нищим, как был народ.
И не к великим, не к „власть имущим",
А в рабочий мир и мир бедняка...
Он будет сильный вездесущий
В шуме восстаний и у станка.
Придет не с притчей, а с длинной плетью,
Чтоб этой плетью „благословить"
Всех тех, кто в мире немых столетий
Привык владычить, тронить, царить.
Разрушить город, разбить оковы,
Сломать насилье, изорвать острог—
В толпе бездольных,—придет мой новый,
Придет мой смелый и сильный бог!

Александр Уранский.

К вопросу о секциях рабочей молодежи.

4-го апреля с. г. представителем Московского Комитета Коммунистического Союза молодежи на собрании Московского совета профессиональных союзов был предложен план воспитания рабочей молодежи путем организации секций.

План этот исходит из того положения, что на воспитание и на труд молодежи не обращается никакого внимания и что, следовательно, лишь сама молодежь может улучшить свое положение путем организации секций.

Всякий, кто знаком с заводской жизнью, тот знает, насколько тяжелые условия, в которых приходится работать молодому поколению. Отсутствие 6-ти часового рабочего дня, социального обеспечения 14 летов, отсутствие запрещения ночных и вредных работ, низкий заработок сравнительно с заработком взрослых рабочих, ужасная эксплоатация детского труда в работах на дому и т. д.—все это властно диктует, чтобы сама молодежь боролась за свои права и помогала взрослым провести те реформы, которые забыты старшими товарищами по работе.

План организации секций сводится к следующему:

Секция молодежи посылает товарищей во все отделы, правления, комиссии. Представители посылаются не для „представительствования", а для выучки на практике. О всем неясном представитель расспрашивает взрослого, более опытного. Делегируются постепенно все члены секции. После того, как собрание заводского комитета окончено, собирается собрание секции заводской молодежи. на котором, после доклада делегата от секции, обсуждаются те же вопросы, которые были в повестке дня заводского комитета. Если профессиональный союз имеет тоже свое собрание—молодежь после него имеет, свое собрание и так всегда, наряду с собраниями комитетов, комиссий, союзов и районов созываются собрания секций молодежи данного комитета, союза или района.

Все знают как трудно выступать на собраниях с „дяденьками", не желающими часто слушать „малокососа", вследствие чего даже смельчакам из молодежи трудно высказать свое мнение; в секциях-же этого не будет, ибо там каждый без стеснения может высказаться в своем кругу молодых товарищей. Мы, анархистская молодежь, с своей стороны приветствуем этот шаг товарищей большевиков и всюду будем бороться за его осуществление.

Лайла.

Анархо-искусство.

* * *

Возьми мою душу, как паникадило,
Возьми и расплескивай голубой фимиам,
А улицы пахнут цветочным мылом
И кровью липнущей к каблукам,
Кто это сваливал вчера на нас то
Пламени глыбы ударами кирк,—
Небо в красном трико гимнаста,
А город—обезумевший цирк.

Ладонями в двери! Кулаками! Но в чьи?
Каждая была ведь на американский замок.
Бесстыден, как любовница в лифчике
Выживший из ума рок.
Кучки оборвышей. Казачья сотня.
Неужели у каждого сухарь в груди?
Всякий задворок, всякую подворотню
Ладаном души моей окади.

Анатолий Мариенгоф.

* * *

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез,—
А мне бы только любви немножечко,
Да десятка два папирос.
А мне бы только любви вот столечко,
Без истерик, без клятв, без тревог,
Чтоб мог как то просто какую то Олечку
Обсосать с головы до ног
И, право, не надо злополучных бессмертий!
Блестяще разрешаю мировой вопрос:
Если верю во что—в шерстяные материи,
Если знаю,—не больше, чем знал и Христос.
И вот за душою моей несуразною
Ширококолейно и как то в упор
Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробьиною сплетней распертый простор.
Коль о чем я молюсь, так чтоб скромно мне
[в дым уйти,
Не оставив сирот: ни стихов, ни детей.
А умру—мое тело плечистое вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.
Мое имя, попробуйте, в библию всуньте-ка,
Жил, мол, эдакий комик святой,
И всю жизнь проискал он любви бы пол-
[фунтика,
Называя любовью покой.
И смешной, кто у Данта влюбленность на-
[следовал,
Весь грустящий от пят до ушей,
У веселых девченок по ночам исповедывал
Свое тело за 8 рублей.
На висках у него вместо жилок по лилии,
Когда плакал, платок был в крови.
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.
Но пока я не умер, простудясь у окошечка
Все глядя не пройдет ли по Арбату Христос,—
Мне бы только любви немножечка,
Да десятка два папирос.

Вадим Шершеневич.

* * *

Осени осенью осень
Мусор,
Вчерашнего сна швабры
Ресниц наружу
Горькое пойло
Стихов сердцу знакомо
До нельзя.
Опять и опять на подносе
Месяца селезень
Комом
В облаках войлок
Как в лужу
Ран Иисуса
Гвоздей острые телу жабры.

Николай Эрдман.

Лорелея ритма.

Свободный стих лишь изредка, как исключение, прорывавшийся в произведениях символистов, тогда как у более ранних поэтов (Тютчева Фета и др) бывали неправильные размеры, но не свободный стих *в наши дни получает самое широкое распространение.* Мы думаем, что если подсчитать процентное соотношение стихов, написанных после 1913 г., то окажется, что свободным стихом написано больше, чем правильными размерами.

Тот верлибр, которому отдали обильную дань во Франции Крысинская, Г. Кан, Ж. Лафорг, Ф. Гриффэн, П. Фор, Э. Верхарен, Р. Гиль и другие современные поэты, стал обычным явлением у нас приблизительно с момента возникновения футуризма и имажинизма, которые воспользовались им, как лозунгом против традиционности метра. Почти все пьесы А. Мариенгофа, Н. Асеева, Б. Пастернака, В. Маяковского, В Каменского и других, включая сюда и автора этих строк, написаны свободным стихом. Целый ряд поэтов неноваторов также перешли частично на свободный стих; для примера укажу Ахматову, Мандельштама, Эренбурга, Зенкевич и др. К сожалению, с верлибра же начинают теперь молодые поэты.

Однако, теория свободного стиха у нас совершенно не разрабатывалась. Долгое время наши критики считали, что свободным стихом писали Гейне и А. Блок; позже признавали за свободный стих такую комбинацию строк, когда в одном и том же стихотворении вне периодической последовательности соединялись разностопные строки одного и того же размера; напр., двух, трех, четырех, пяти, шестистопный ямб. Именно таким способом переводили у нас верлибр Верхарна. Если первый случай еще может быть с натяжкой назван свободным стихом, хотя бы в зачаточном, эмбриональном состоянии, то вторая комбинация к свободному стиху не имеет никакого отношения, что станет ясно из последующего, где мы попытаемся, если не определить свободный стих, то, по крайней мере, указать его специфические стороны.

Неправильный размер Гейне, Блока и некоторых других построен на следующем: в строки правильного размера (двухдольного или трехдольного) вгонялся лишний слог (или выключался слог) и создавалась иллюзия свободного стиха или по меньшей мере двутхдольника тяготеющего к трехдольнику.

Снежный ветер—твое дыхание,
Опьяненные губы мои.

А. Блок.

Вторая строка написана совершенно правильным трехстопным анапестом, первая же написана правильным хореем, но во вторую стопу вклинен лишний слог (ветер *тво*); дальше я постараюсь об'яснить почему эту строку нельзя рассматривать, как анапестическую с укороченной третьей стопой, принявшей вид ямба.

Этому приему у французов, у которых отсутствует благодаря силлабике, возможность увеличения или усекновения стоп, соответствует следующее: в правильный александрийский размер, тянущийся на протяжении нескольких строк, вдруг включается одиннадцати или тринадцатисложная строка. Вот пример из Анри Батайлли, у которого этот прием вообще очень част:

Не шелохнись! В воде луна недвижно-
красна;
И листья мертвые подплыть не смеют
к ней.
Иди безшумно! Ныне царство камышей;
*Мы наши пальцы погрузим в диск
свежий и прекрасный*
И замутим его, как если б мы подули
Быть может, хочет плыть по волне
воли луна
К истокам рек, о коих вспомнила она...

Более сложный свободный стих уже не может быть подведен под предыдущую мерку, так как придется считать, что искаженных стоп значительно больше, чем правильных, и, пожалуй, сами правильные являются только исключением!

Но как бы запутан и труден не был *свободный стих*, он в силу какого то таинственного закона, несомненно проистекающего из фонетических традиций и условий ритма русских слов, *неизменно стремится к двухдольной или трехдольной строке.*

При этом обычно таковое стремление не ограничивается одной строкой, а распространяется на целый отрывок, который по этому может быть назван *поэтическим параграфом* и который должен признаваться строфой ритма в противовес строфам явленным только комбинацией рифм.

Возьмем для примера следующий отрывок:

Отмщалась над городом чья то вина,
Люди столпились и табуном бежали;
А там, в обоях, меж тенями вина,
Сморщенный старикашка плачет на
рояли.
Над городом ширится легенда мук,
Схватишься за ноту—пальцы окрова-
вишь;
А музыкант не может вытащить рук
Из белых зубов раз'яренных клавиш.

В. Маяковский.

Разберем этот отрывок и, чтобы не усложнять дела, будем оперировать с общеизвестной, примитивной терминологией.

1-я строка: 1) амфибрахий, 2) амфибрахий, 3) амфибрахий, 4) ямб (или усеч. амфиб.).

2-я строка: 1) дактиль, 2) дактиль, 3) анапест, 4) ямб плюс рифмический слог.

3-я строка: 1) амфибрахий, 2) дактиль, 3) амфибрахий, 4) ямб.

4-я строка: 1) дактиль, 2) анапест, 3) амфибрахий, 4) анапаст плюс рифмический слог.

5-я строка: 1) амфибрахий, 2) амфибрахий, 3) анапест, 4) ямб.

6-я строка: 1) дактиль, 2) амфибрахий, 3) дактиль, 4) ямб плюс рифмический слог.

7-я строка: 1) затакт, 2) анапест, 3) амфибрахий, 4) хорей, 5) ямб.

8-я строка: 1) амфибрахий, 2) амфибрахий, 3) амфибрахий 4) спондей плюс рифмический слог.

Итого, на восемь строк, на 32 стопы двухдольный размер—7 раз, однодольный (затакт, спондей)—2 раза трехдольники—23 раза.

Весь этот отрывок стремится к трехдольности, что чувствуется уже при чтении по качающейся ритмике, тогда как двухдольно-устремленные строки звучат отбойстее, маршировочнее, как примерно следующая строка этого отрывка:

И вот сегодня с утра мне в душу,

которая состоит из ямба, амфибрахия (или продолженного амба), ямба, ямба и рифмового слога.

Конечно, существуют отрывки, которые не подводятся ни под двухдольники, ни под трехдольники. В этих строках обычно выбивают такт или четырехсложные размеры, или рядомударные спондеи.

Как пример второго, можно привести „Наш марш“ Маяковского:

Зеленью лег луг,
Выстели дно дням,
Радости дай дуг...

где в каждой строке по два спондея, притягивающих к себе весь ритм отрывка.

Спондеи вообще стали частым явлением при свободном стихе, при чем иногда спондей применяется, как это ни пародоксально звучит, в женской рифме:

Сердце ударами вен громи,
Пусть зарастет *тропа та*,
Где обезчещено Венграми
Белое тело *Карпата*.

В этих строках Н. Асеева вторая имеет спондей: слово „тропа“ кончается ударным слогом, и следующее слово „та“ ударяемое, потому что здесь передается ритм марша, а как известно конец музыкальной схемы марша в переводе на поэтический ритм спондеичен; с другой стороны слово: „Карпата“, хотя и является женской рифмой, но отчетливо несет но себе два ударения: и на слоге „па“ и на „та“.

Подобных примеров у Асеева вообще много:

Он мне всю жизнь *глаза ест*,
Дав в непосильный *дар ту*,
Кто, как звонок на *заезд*,
С ним меня гонит к *старту*.

Здесь в первой и второй строке чистый спондей, при женских рифмах, а в третьей и четвертой спондей построенный на насильственных полуударениях. Совершенно аналогичный пример у автора этих строк:

Нет! Не коснется весною *строфа уст*,
И не встретить мне, видно, *зари той*,
В которой я, как неопытный *Фауст*
Спутаю Марту с *Маргаритой*.

Отличительным свойством этих женских рифм составного порядка является то, что второе слово, односложное (та, ест, ту, уст, той) не могут считаться неударными, как это бывало в составных рифмах, благодаря своей важности в поэтическом отношении. Если в рифме: законом - легко нам, это „нам“ является не ударным и потому „законом“ чистая женская рифма, то уже „Венграми—вен громи“ скорее мужская рифма с богатой предшествующей рифмовкой!

Выписывать примеры четырехдольных стоп не представляется нам нужным, так как их множество и они встречаются почти в каждом верлибре и если не смягчаются гранича с двухдольными, то резко дают себя чувствовать; при чем их ритмическое качество почти одного порядка с пятидольными и шестидольными.

„Где входи | *ла боярышня* | *выходила* | *боярыня* | в магазин | *уважения* | старшим“.

К. Большанов.

Однако, считаем нужным указать, что шестидольная стопа не является пределом размера, величины стопы, и два ударяемые слога, не требуя насильственных полуударений, сохраняют определенный ритм, утомительно - быстрый и чаровательно - бурный, будучи разделены семью и больше слогами. Не ручаясь за точность, но кажется, у покойного И. В. Игнатьева нам приходилось встречать схему, где два ударяемых слога разделены тринадцатью неударными слогами, отмеченными в примере курсивом:

Закипели вы*кристализировавшимися велосипеди*стами.

Большого скопления слогов нам не приходилось встречать, так как в придуманных примерах обычно фигурируют составные слова, имеющие, конечно, полуударения, хотя недавно мне было предложено шестнадцатисложное разделение ударных слогов в следующем комичном примере:

Повесил на двери я вывеску,
вы*гравированную параоксифениламидобен*зойной кислотой!
Пойду, помолюсь у Иверской
За пример огромный такой!

Итак, по существу *свободный стих является произвольной комбинацией разносложных стоп* при чем эта комбинация на протяжении определенного поэтического параграфа стремится к естественной численной однородности стоп.

Однако, свободный стих по своей природе строится совершенно не на этом принципе.

Возьмем следующий отрывок:

Лебеди облака в хмуром трепете
Шопотом кутались в тысячи поз,
И вся улица смотрела, как вы прицепите...

К. Большанов.

Если вы внимательно разберете этот отрывок, то ясно почувствуете (именно почувствуете, потому что в вопросах щекотливой ритмики почти всегда единственным господином является инстинкт и чутье!), что главные слова этой трестрочной цитаты таковы: лебеди, облака, трепете, шопотом, кутались, тысячи, улица, прицепите; остальные в смысловом (смысл и идея слова не есть его содержание) играют второстепенную роль, живописного порядка, как прилагательное при существительном. Если посмотреть эти первоважные слова, так сказать, лейт-слова, то бросается в глаза, что все они чисто дактилические, кроме последнего, где дактиличность маскируется затактом „при“.

Мы можем разобрать целый цикл примеров большого или меньшего размера, и почти всегда увидим то же самое: эти лейт-слова будут ритмически одинаковы или равны, или тождественны.

В этом-то и заключается самое основное условие свободного стиха: *он считается только с ритмом лейт слов*, игнорируя ритм и качество второстепенных слов, слов прилагательных.

Это качество свободного стиха вряд ли может быть доказано математически, как впрочем и все, что касается свободного стиха, да, пожалуй, и вообще поэзии, но внимательным анализом тысяч и сотен строк можно убедиться в том, что именно такова природа верлибра. Очень часто эта ритмическая равность лейт слов маскируется знаками препинаний, соотношениями в слове гласных и согласных, но тайно или явно она существует, и здесь то грань между прозой и поэзией, та грань, которую так тщетно ищут и недоумевают.

Почему это в строке свободного стиха, где видна полная аметричность, есть какая-то ритмическая замкнутость, а в прозе нет?!

Поэтому то и ошибочно заключение итальянских футуристов, утверждающих, что проза и поэзия это одно и то же; вспомним, как писал Маринетти; „проза—это стихи неудавшиеся и антипоэтические, потому что в них содержание заглушило форму“, а Паолло Буцци восклицал: „Проза—это стихи, из которых украли динамику“. Во всех этих рассуждениях правильно только одно: прозы как вида, искусства, действительно нет. Проза играет второстепенную роль при психологии и истории, подобно тому, как музыка при мелодекламации или слова в романсе. Проза это—мелодекламация науки. И даже великолепные по своей безрассудной отваге попытки Андрея Белаго в „Петербурге“ и в „Симфониях“ спасти прозу, только отсрочка ее смерти.

Но было бы несправедливо говорить, что только на принципе ритма лейт-слов строится свободный стих. Часто он утилизирует и многое другое, и в первую очередь *паузу* или *цезуру*. Цезуру в метрической поэтике играла только роль отдыха, в свободном стихе она приобретает самостоятельное просодическое значение, ритмическую ценность. Не лишним будет указать, что цезура, требовавшаяся в середине шестистопного ямба, по существу есть чистый предрассудок, не оправдываемый ничем. Мы легко переносим нецезурованный семистопный хорей („Конь Блед“ В. Брюсова); почему же мы должны обязательно приводить цезуровкой строку шестистопного ямба к двум строкам трехстопного?

Пауза может быть явной; явная это будет цезура в ее буквальном понимании. Но кроме того, часто строка требует паузы и эта пауза падает на хореическое или гипердактилическое слово; в зависимости от этого строка получает большую или меньшую паузу. Один из поэтов теоретиков доказывел, что всякое стихотворение можно рассматривать, как одну строку, построенную на цезурах и паузах, ознаменованных, якобы, концами строк и богатую внутренними чередующимися созвучиями, которые мы графически почитаем за концевые рифмы.

Каждая строка свободного стиха, превышающая восемь слогов, делится паузой или паузами на два полустишия или несколько отрывков. В свободной строке паузу можно разделить на главную и добавочную, неизменно функционирующую в строках тринадцати и более сложных на роли помощницы главной паузы. Эта главная пауза есть кульминационная точка строки; подобно водоразделу она разбивает строку.

Вот громадной толпой ‖ от наркоза дымчат,
Сер от никотина ‖ шурша радужной душой,
Поджидаю ‖ пока меня из будней | вымчат
Прыткие топоты ‖ в праздник большой.
За бугром четвергов ‖ понедельников рыжих,
За линией ‖ Волгой растекшихся сред,
Смотрите ‖ как криками | на небе выжег,
Сплошное воскресенье ‖ сумасшедший поэт.

В. Шершеневич.

Между цезурой, т.-е. явной паузой и паузой тайной, есть еще одна промежуточная стадия: это цезура опирающаяся на скрытую согласную. Так, например, в строках выдуманного двустишия:

И я вошел в музей ‖ где руки белых статуй
Стремили алебастр ‖ медленно в зло,

во второй строке цезура опирается на слово „алебастр“, которое имеет ударение не на последнем слоге; при внимательном чтении вы слышите, что в буквах „стр“ между „т“ и „р“ есть какая-то гласная, которая ближе всего к звуку „о“. И в самом деле, ваше ухо не улавливает ошибки в ямбической строке:

Стремили алебастр медленно в зло.

но выкиньте, якобы, не влияющие на метр согласные „стр“ и в новом виде получаете

Стремили алеба медленно и зло.

И сразу видите, что в четвертой стопе не хватает слога; взглянув теперь на первый ид этой строки, вы видите, что и там не хватало этого слога, но он маскировался хрустиком согласных, не мешающим однако правильной цезуре.

Этот пример показывает, что у нас имеются комбинации согласных, которые таят в себе непроизносимую гласную, имеющую ту же просодическую ценность, что у французов непроизносимое „е". Вот аналогичный пример французских стихов:

Il l'ai mêlée, avec la mienne,
quelle est la mienne || quelle est la fieune
A. Bataille.

Очень часто пауза вызывается знаком препинания. Вообще, роль знаков препинания в строке у нас почти незатронута. Но если можно игнорировать произносимость запятой, так как она очень мала и зачастую есть только грамматическая необходимость, то восклицательный и вопросительный знаки, точка с запятой, точка и многоточие имеют вполне определенную долготу, уж ни в коем случае не меньшую чем слог. Вероятно, впоследствии филология совместно с фонетикой и психологией сумеют математически вывести вполне определенную долготу каждого знака препинания по аналогии с гласными. Забегая вперед можно предположить, что запятая по своей длительности будет равна „й" и т. д.

Протяжностью знаков препинаний инстинктивно пользовался А. Блок и зачастую его мнимо-неправильный метр легко приводится к правильному, если засчитать примитивно знак препинания за слог. Напр.,

Валентина звезда мечтанье.

При чисто формальном разборе мы имеем: анапест, анапест, ямб, рифмовой слог; но проставим знаки препинания: „Валентина" от „звезда" может быть отделена запятой, но „звезда" от „мечтанье" не меньше, чем восклицательным знаком, и поэтому надо строку изобразить так:

Валентина, звезда! Мечтанье

(между прочим сам Блок пишет так: „Валентина, звезда, мечтанье" но врид ли это верно).

И при такой транскрипции (т.-е. с восклицательным знаком) мы ясно чувствуем, что восклицательный знак имеет некую продолжительность и таким образом между двумя ударениями „звез*да*" „мечт*ань*" два неударяемых слога „меч" и восклицательный знак, и тогда вся строка имеет форму совершенно правильного анапеста с женской рифмой, т.-е.

Валенти | на, звезда | ! мечтань | е

Вот еще один аналогичный пример из Блока же:

Снежный ветер—твое дыханье.

В начале статьи мы указали, что это правильный хорей с одним лишним слогом, т.-е.

Снежный | ветер | *тво* | *е* ды | ханье.

Теперь, если мы примем тире по долготе равным слогу, то получим абсосютно правильный пятистопный хорей:

Снежный | ветер | — тво | е ды | ханье

Или, еще пример, из того же стихотворения (без анализа):

Страшный мир! Он для сердца тесен

и т. д. Подобных примеров очень много у Блока и Гейне, а также у Ахматовой и Гумилева, и почти всегда мнимая нехватка слога об'ясняется засчетом за слог произносимости знака препинания.

То место, где есть знак препинания, естественно должно быть цезуровано или паузировано.

(*Продолжение следует*).

Вадим Шершеневич.

* * *

В небе лето.
С веток ночь, серой птицей вспорхнувши,
Прошуршала в лиловый простор.
И месяц золотым бумерангом взметнувшись,
Возвращался в поля за бугор.
Кто то небо чернилами залил.
Сползали пятен круги,
Розовея, впрягались дали
В зарево звонкой дуги.
Так поехать бы в дрожках рассвета
В облака по проселкам вскачь,
В небе предутреннем лето
Расстилало дрожащий кумач.
Белое стадо баранов
Голубея ползет, и вот..
Я люблю когда утром рано
Моет лапу на крыше кот.

Александр Кусиков.

* * *

Небо оклеено газетами.
Земля обрюзгла.
Фонари над сумерками недопетыми
Светят тускло.
Червячком охры из тюбика
Фонарь на сырую панель.
Из четырехэтажного кубика
Оркестрион и хмель.
Чувствую ребро ворота
У самых ушей.
Храпенье мокрого города
Заглушило писк мышей.
Ветер качает кадилами
Дуговых фонарей вверху.
Озябшему стали немилыми
Дамы с зонтом и в меху.
Лицо слезится ненамеренно.
Куда пойдешь?
Все возможности проверены.
Все—ложь.

Сергей Третьянов.

Психологические возможности.

„Много людей живет не живя, а только собираясь жить".
В. Белинский.

I

Неподвижным каменным изваянием с застывшею гримасою смерти на лице укладывается на столе человек, ушедший из жизни. Закончился короткий миг вечности, пришла смерть и отняла безжалостною рукою подарок жизни. На пол'обороте остановились радость и страданье, застыли. Мысли, жизнь отошла в сторону и пугливо и пытливо всматривается в застывшие неподвижные черты; а может быть человек там где-то продолжает страдать и радоваться; может быть смерть— эта величайшая тайна жизни, одна из самых сложных еще неразгаданных хитростей человека?

Чем человек этот наполнял жизнь, зачем он жил? Зачем тихонько появился он в жизнь, тоскливо и незаметно прожил, и бесследно канул в вечность? Для целей-ли а'страктной вечности, для таких же ли как он сам, незаметных и одновременно многогранных самодовлеющих микрокосмов-пигмеев, гигантов-людей? Для самого ли себя чтобы, томясь исканиями всю свою недолгую жизнь, сойти со сцены жизни, стереть самый след своего существования, самую память о себе, как личности? Чем жил человек и так ли жил? Исчерпал ли до конца возможности жизни, и оправдал ли для себя смысл жизни?

Живут и жили биллионы биллионов людей, и сколько было людей, столько было систем жизни. И всякий уверял и уверяет других и себя, что у каждого своя особенная, не похожая на систему других система жизни, а в сущности все системы— вариация и комбинация одной. Никто не знает этой последней, конечной, всеоб'единяющей, всепоглощающей системы, но цель приложения ее на языке человеческом именуется счастьем.

Смысл, основу и оправдание личной жизни каждый видит в достижении счастья—искупления личной жизни.

От глубины веков существовал и существует ряд философских концепций, стремившихся с исчерпывающей полнотой выразить смысл жизни и дать человечеству законченную исчерпывающую систему жизни. Все это было и есть не более, как ряд своеобразных индивидуальных точек зрения. Какой из мудрых Эдипов возьмет на себя смелость доказать преимущественную абсолютную ценность одной из них пред другими? Под одним углом зрения—закон—абсолют,—норма, исчерпывающая и всеобязательная. Другая точка зрения с неменее исчерпывающей полнотой говорит, что закон—произвол и беззаконие. Воскресите Плевако: докажет ли он вам, что всякий закон, всякое законодательство—не произвол? Ни в одном законе или законодательном акте как единоличного, так равно (даже более) коллективного творчества всегда произвольного нет и не было ничего об'ективно отвечающего действительности. Что такое мораль? Абсолютная, нравственная неизменная в сущности своей норма? Но ведь это не более, как отражение существующего соотношения социальных сил. С двух диаметрально противоположных точек зрения—и Монархия и Анархия—как система—наилучшие гарантии свободы саморазвития личности. С одной из точек зрения—Бог—самодовлеющее живое абсолютное начало. С другой—это не более, как измышление невежественного и трусливого человеческого ума. Одна система говорит, что мое „Я" реально существует, отдельно от моего тела, но не в состоянии определенно указать в какой именно его физической точке. Другая говорит: мое „Я"—комбинация психо-физиологических взаимоотношений,—комплект психо-физических эмоций,— и только. Один с очевидной убедительностью открыл, что человек по природе моногамичен. А я смею утверждать: полигамичен. Кто и чем меня опровергнет с достоверностью, не требующею ни одного нового лишнего доказательства? Чем вызываются разлад и разводы, семейные трагедии, тысячи обманов и измен, вторые и третьи браки? Не есть ли это глухой и скрытый и вместе с тем постоянный и прогрессивно нарастающий протест личности против социального установления единобрачного института?

И еще пример: для прозаика—женщина—сопровождающая его чувствования реальная обстановка, и для поэта—женщина—душа поэзии.

Под углом зрения абсолютной свободы—все системы миропонимания— все точки зрения абсолютно равноценны, но наиболее жизненна из них самая последняя конечная из всех. Но и одна не последнее звено неуловимой неисчерпаемой истины.

(*Продолжение следует*).

Энена.

Список постоянных сотрудников, из'явивших свое согласие на сотрудничество в журнале „Жизнь и Творчество Русской Молодежи" и утвержденный Редакцией журнала.

Александр Кусиков.	Леонид Чиволов.
Анатолий Мариенгоф.	М. Т.
Антип Никаноров.	Н. Марков.
Борис Эрдман.	Н. Некрасов.
Вадим Шершеневич.	Наталья Поплавская.
Григорий Розенблат.	Николай Эрдман.
Григорий Шмерельсон.	Сергей Есенин.
Е. Горлова.	Сергей Рексин.
Иван Аспирин.	Сергей Спасский.
Иван Старцев.	Сергей Третьяков.
Лев Моносзон.	Энека.

Дальнейшие списки будут опубликованы по мере получения согласия. Сотрудники случайные, т.-е. непостоянные, пользуются также правом на печатание своих произведений.

Фонд журнала „Ж. и Т. Р. М.".

От Пискунова (Н. Ломов)	20 р. — к.
„ В. Большакова (Судогда)	5 „ — „
„ Уранского	40 „ — „
Итого с прежде поступившими	841 р. 95 к.

Отчет № 3 кассы Всефам'а.

К 1 мая поступило членских взносов	60 р. — к.
Касса	342 р. 50 к.

От Секретариата Всефам'а.

I. Секретариат принял решение организовать летом 1919 года (май—сентябрь) поездки тов. членов Секретариата и Московской группы Всефам'а по провинциальным группам, входящим в состав Федерации, а посему Секретариат просит все группы сообщать ему во-первых: нуждаются ли они в приезде лектора и инструктора, во-вторых: темы лекций, митингов и бесед как открытых, так и внутренне-групповых, которые желательно было-бы разработать, совместно со столичными товарищами и в третьих наиболее удобную дату приезда товарищей.

—

II. Секретариат сообщает, что все материалы по разработке тем, предложенных Секретариатом и помещенных в №№ 26—27 и 28—29, как-то: книги, журналы и т. п., могут выписываться товарищами членами Федераци и через Секретариат. Также высылается Секретариатом и подробный перечень материалов, необходимых для разработки той или иной, из числа предложенных, темы.

—

III. Все наиболее интересные и выдающиеся доклады на предложенные Секретариатом темы, последний просит присылать в Секретариат для издания в особых сборниках, посвященных творчеству анархистской молодежи. Присылке подлежат также и наиболее выдающиеся художественные произведения членов групп. Особенно важна разработка тем, предложенных под рубрикой „Изучение философии и науки анархизма и других общественно-философских учений", помещенных в № 28—29 „Ж. и Т. Р. М.". Жюри, постановляющими о присылке в Секретариат того или иного произведения, являются все члены данной группы.

—

IV. Книги, перечень которых был помещен в № 28—29 „Ж. и Т. Р. М.", высылаются Секретариатом немедленно по присылке денег.

Для удобства вся литература распределяется по транспортам.

—

Транспорт 1-й — для основного ознакомления с идеями анархизма.

(Высылается по присылке 20 руб.).

П. Кропоткин.—Речи бунтовщика.
„ Хлеб и воля.
Эльцбахер.—Анархизм.
А. Боровой.—Анархизм.
М. Бакунин.—Бог и государство.
М. Штирнер.—Единственный и его достояние.
П. Кропоткин.—Нравственные начала анархизма.

Транспорт 2-й — для более близкого изучения анархизма.

(Высылается по присылке 20 руб.).

П. Кропоткин.—Взаимопомощь, как фактор эволюции.
Г. Цоколи.—Анархизм при свете научного анализа, 2 книги.
Прудон.—Что такое собственность.
Дж. Макэй.—Анархисты конца XIX века.
Жан Грав.—Умирающее общество и анархия.
Кропоткин.—Анархия, ее философия и идеал.
Мост.—Религиозная язва.
С. Фор.—Мировая скорбь.
Л. Н. Толстой.—Христианский анархизм.
Боровой.—Общественные идеалы.
„ Революционное творч. и парламент.

3-й транспорт—брошюры.

(Высылаются за 20 руб.).

П. Кропоткин.—Государство и его историческая роль.
„ Революц. правительство.
„ Новый интернационал.
„ Анархия и ее место в социалист. эволюции.
„ Коммунизм и анархия.
Ал. Атабекян.—Против власти.
„ Перелом в анархич. учении.
„ Возможна ли анархистская революция.
„ Вопросы теории и практики.
П. Бертоле.—Новое Евангелие.
С. Фор.—Преступление Бога.
А. Карелин.—Государство и анархизм.
Н. Н. Русов.—Критика анархизма.
Ж. Этьеван.—Речь на суде.
В. Поссе.—Кооперация и коммунизм.
Л. Толстой.—Христианский анархизм.
Л. Солонович.—Государство, интеллигенция и анархия.
А. Тюханов.—Социальная революция.
Проферансов.—Стачка, рабочий союз и социализм.
Элизе Реклю.—Эволюция, революция и идеал анархизма.
„ „ Моему брату крестьянину.
„ „ Духовенство, церковь и анархизм.
Ньювенгуис.—Социализм в опасности.
Эм. Пато.—Азбука синдикализма.
Малатеста.—Крестьянские речи.
„ Краткая система анархизма в X беседах.

4-й транспорт.—для крестьян и рабочих.

(Высылается за 10 руб.).

Заяц.—Как мужики остались без начальства.
Малатеста.—Крестьянские речи.
Реклю.—Моему брату крестьянину.
Толстой.—Христианский анархизм.
Мост.—Религиозные язвы.
Карелин.—Вольная деревня.
Пато.—Азбука синдикализма.
Кропоткин.—Наши богатства и довольство для всех.

Ко всем этим транспортам Секретариат прилагает наиболее яркие и выдающиеся статьи, помещавшиеся в „Жизни и Творчестве Русской Молодежи". Кроме того установлен постоянный транспорт анархистских газет, журналов и высылка книг, согласно индивидуальному желанию т.т. членов Федерации; таких товарищей просят присылать подробный список книг, которые они желали бы получать.

V. Секретариат просит также все соседние группы и федерации теснее связаться между собой, для каковой цели организовать пересылку корреспонденции, литературы, посылку лекторов и членов.

—

Опровержение.

В виду поступающих запросов, Редакция доводит до всеобщего сведения, что издаваемый А. Уранским, М. Т. и А. Вашковым сборник „Семицвет" не является изданием Московской Анархической Ассоциации Молодежи и ничего общего с журналом „Жизнь и Творчество Русской Молодежи" не имеет, о чем заявлено в отдел печати Московского Совета Раб. Деп.

Что же касается об'явления о „Семицвете", помещенного в № 28—29, а равно и того, что означенный сборник будет бесплатно выслан подписчикам настоящего журнала, то по этим пунктам Редакцией было дано М. Т. согласие.

Редакция.

Продолжается подписка на Ж. и Т. Р. М. на 1919 год.

На год—**100** руб., на 6 мес.—**55** руб., на 3 мес.—**30** руб., на 1 мес.—**10** руб. с доставкой. Подробности подписки и издания смотрите в № 16 журнала.

Большой концерт в пользу журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи" переносится на ближайшие дни, о чем своевременно будет опубликовано.

Орг. Молодежи при Басманно-Лефортовской Организации Анархистов, приступая к организации кружков изучения анархизма, приглашает учащуюся молодежь Басманного, Благуинского и Сокольничьего районов на собрание в свой клуб (Покровская ул., д. 77) в воскресенье 4-го мая к 12 час. утра.

В Секретариате Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи.

Совместная работа молодежи „со старшими".

В заседании от 29 апреля с. г. был принят и разрешен чрезвычайно важный вопрос: о совместной работе молодежи со старшими товарищами-анархистами. До сего времени анархистская молодежь входила в организации „старших" персонально, теперь же решено входить группами и федерациями.

Таким образом, Секретариатом Всефам'а делегированы: 1 представитель во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов, 1 представитель в Союз анархо-синдикалистов-коммунистов гор. Москвы и 2 представителя в Редакционную коллегию еженедельной газеты „Труд и Воля"—орган союза анарх.-синдик.-ком. гор. Москвы.

—

Москва, 28/IV. Вышел **№ 4** газеты „**Труд и Воля**".

—

Анархическое книгоиздательство.

Союзом анарх.-синд.-ком. г. Москвы совместно с анархистской молодежью организуется кооперативное книгоиздательство „Труд и Воля". Адрес: Москва, Тверская, 68 (бывш. кафе „Ян").

—

Анархический книжный магазин.

28-го апреля союзом анарх.-синд.-ком. города Москвы совместно с анархистской молодежью организован и открыт книжный магазин, где можно также покупать журнал „Жизнь и Творчество Русской Молодежи". Там же принимается подписка на журнал: Москва, Тверская, 68.

—

Клуб анархистской молодежи.

В непродолжительном времени Секретариатом В. Ф. А. М. в бывш. кафе „Ян" (Тверская, 68) открывается клуб.

—

Запись в члены Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи производится: Москва, Тверская, 68.

СПРАВОЧНИК АНАРХИСТА.

АДРЕСА:

Секретариат Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи: Москва, Тверская, 68.

Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов-коммунистов: Москва, 1-й дом Советов, комната № 219.

Секретариат Союза Анархо-Синдикалистов Коммунистов: Москва, Тверская, 68.

Редакция Газеты „Труд и Воля": Москва, Тверская, 68.

Требуются агенты для широкого распространения журнала.

Требуйте инструкцию.

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ" Москва, Большая Садовая, д. № 14. Телефон 2-06-35.